

Евграф Кончин

ОШИБАЛСЯ ЛИ БОРЕЛЬ?

История одного «затерянного» портрета Пушкина

В КРУПНЕЙШИХ музеях нашей страны хранятся довольно внушительные коллекции гравюр, офортов и литографий Петра Федоровича Бореля (1829–1898). Говорю о коллекциях потому, что листы обычно сложены в папку и действительно представляют собой отдельные персональные собрания. Так, в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в такой папке находится 200 листов, в Государственном Эрмитаже — около 50 листов, а в Русском музее их несколько сот вместе с вариантами, повторами, пробными оттисками. И в каждой коллекции главным и непременным произведением является литографированный «Портрет А.С. Пушкина», знаменитый и скандальный. Чем же он знаменит и чем скандален?

Но вначале, казалось бы, совершенно о другом. 9 мая 1828 года Пушкин встретился на пароходе, курсировавшем между Петербургом и Кронштадтом, с английским живописцем Джорджем Доу, хорошо известным в Европе, а ныне работав-

«А.С. Пушкин».
Литография П. Бореля

то основания поставить «крамольное» пояснение «с гравюры Доу».

Несомненно, он использовал какой-то прооригинал, быть может, который приписывали Доу. Поэтому смею утверждать, что загадка портрета Пушкина еще не раскрыта. И дело не только в установлении авторства портрета, а точнее — его первоначальной основы, что важно само по себе, но и в более глубинном осмыслении сложной, противоречивой «связки» работ столь разных художников, в той или иной мере участвовавших в создании образа поэта, получившего новое «прочтение» в литографии Бореля. Но в какой степени Петр Федорович воспользовался материалами, которые и стали основополагающими в его работе, будь то «дивный карандаш» Доу, чему хотелось бы верить,

Борель опубликовал литографию в 1885 году в журнале «Всемирная иллюстрация». Его работа имела большой успех, она часто репродуцировалась. Иногда, правда, с неверным утверждением, что литография принадлежит анонимному автору. Но это, наверное, от широкой популярности, вроде того что «слова и музыка народные».

Из других пушкинских работ Бореля назову следующие: «Встреча Пушкина с телом Грибоедова в горах Кавказа», «Кольцов у Пушкина», «Царскосельский лицей», «Село Михайловское», «Дом Пушкина в селе Михайловском», «Памятник Пушкину». Он исполнил рисунок и литографию с картин Николая Ге «Пушкин в Михайловском» и Федора Бруни «Пушкин в гробу».

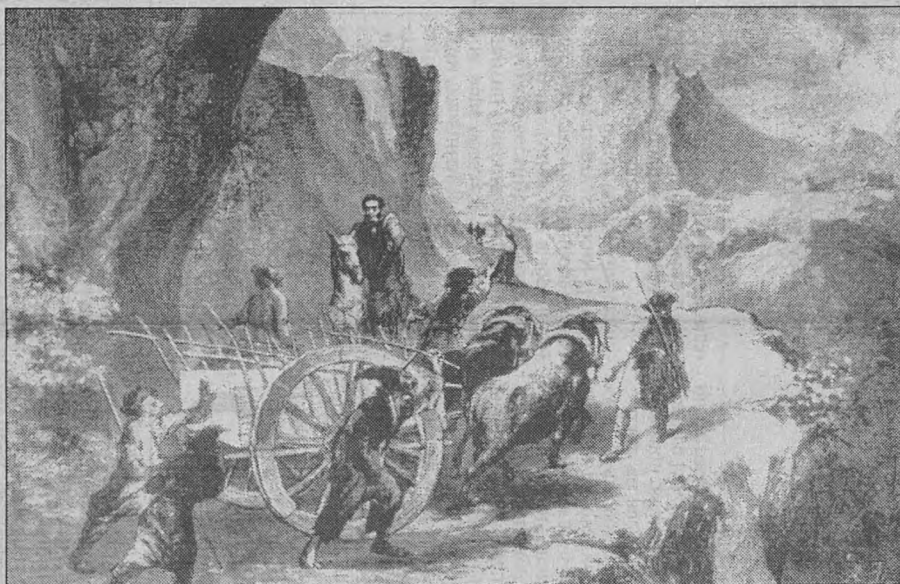
О самом же Петре Федорови-

че Бореле известно, к сожалению, немного. Его творчество совершенно не исследовано. Окончил Петербургскую академию художеств. Стал одним из ведущих русских гравюров, литографов и рисовальщиков своего времени. На первой выставке печатного дела в России, состоявшейся в Петербурге, удостоился золотой медали «За художественные работы в камне». Известен и как книжный иллюстратор. Из бесспорных удач — литографии по рисункам Башилова к «Губернским очеркам» Салтыкова-Шедрина; они считались лучшими к этому произведению. Но более всего известен он в истории отечественной культуры своими портретами — Тургенева, Гоголя, Грибоедова, Островского, Добролюбова...

И, конечно же, Пушкина с его не раскрытой еще тайной. ■

«Домик Пушкина в Михайловском».
Литография по рисунку П. Бореля

«Встреча Пушкина с телом Грибоедова в горах Кавказа».
Литография П. Бореля

шим по приглашению Александра I над галереей Героев 1812 года для Зимнего дворца. И тот зарисовал уже популярного русского поэта, который откликнулся на понравившийся ему экспромт очаровательным стихотворением:

*Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.
Рисуй Олениной черты
В жару сердечных*

вдохновений.

*Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен*

гений.

Надо полагать, что этот «арапский профиль» украсил бы не столь уж богатую изобразительную пушкиниану. Украсил бы... Но художник вскоре уехал в Англию и там умер в 1829 году. А рисунок? Он исчез. Все попытки хотя бы узнать что-либо о его судьбе оказались тщетными.

И вдруг в 1870 году издатель А. Мюнстер в «Портретной галерее русских деятелей» под номером 76 публикует литографированный «Портрет А.С. Пушкина», исполненный Петром Борелем с привлечением всеобщего внимания указанием: «с гравюры Доу». Поэтому ее встретили восторженно, с чувством удовлетворения — наконец-то отыскан вполне ощутимый след затерянного рисунка Доу. Литография быстро вошла в литературный обиход. Тем более что она была исполнена на высоком профессиональном уровне, сочно, выразительно, сильно, свободной и уверенной рукой.

Портрет был подвергнут се-

резной ревизии. Ряд специалистов пришли к заключению, что его нельзя отнести к оригинальным произведениям, что его основой стал не рисунок или гравюра Доу, а, вероятнее всего, гравированное изображение поэта, исполненное Томасом Райтом с собственного натурального рисунка в декабре 1836 года, что Борель «перепутал» Доу с Райтом. Кстати, формальный повод для путаницы как будто бы существовал. Доу и Райт были близкими друзьями и даже родственниками, ибо Томас Райт был женат на дочери живописца, своего учителя. Их связывали многие годы совместного сотрудничества. Райт, прекрасный гравер и рисовальщик, обычно гравировал картины Доу. Да и в Петербург он приехал в 1822 году по приглашению своего тестя.

Правда, были и совершенно другие суждения. Такой тонкий и глубокий знаток иконографии Пушкина, как М. Беляев, в 1934 году в статье «Заметки на полях книги С. Либровича «Пушкин в портретах» утверждал: «в литографии Бореля есть некоторый след портрета Доу». Быть может, пророчески утверждал...

Тем не менее после «разоблачения» литографии интерес к ней и, естественно, к самому Борелю угас. Но не поторопились ли искусствоведы со своим приговором? Мне не верится, что Петр Федорович ошибся. Хотя бы потому, что человеком он был скрупулезным, дотошным, все тщательно проверял. Особенно если гравировал с рисунка других художников. Не мог он без всякого на

или наброски Райта? Они очень важны, поскольку были прижизненными, натурными. Но что оставил Борель от них, а что привнес своего? Какое место в конечном итоге отводится литографии в пушкинской иконографии?

Портрет Пушкина — далеко не единственное обращение Бореля к пушкинской теме. Он был едва ли не единственным художником во второй половине XIX столетия, создавшим значительное число работ, посвященных поэту. С ним в то время могли соперничать лишь иллюстраторы пушкинских произведений. К наиболее известным отнесу литографию «Возвращение раненого Пушкина после дуэли», являющуюся к тому же образцом скрупулезной работы художника. В ней он воссоздал точную сцену того трагического дня. Любимый слуга Александра Сергеевича Никита Козлов переносит его из кареты в дом, другой дворовый вынимает из повозки дуэльные пистолеты; детально художник изобразил и шубу, в которую был завернут Пушкин, и фонарь подле дома, и ступеньки... Очевидно, Борель часто бывал на Мойке, подробно изучил воспоминания о последних часах жизни поэта.

С точки зрения художественной, профессиональной, к литографии, наверное, можно придраться. Но ценность ее заключается именно в дотошной документальности. Недаром в наше время многие художники используют работу Бореля в своих произведениях как несомненное изобразительное свидетельство.

«Возвращение раненого Пушкина после дуэли».
Литография П. Бореля